

Наблюдать и участвовать: биография главного русского славянофила

ТЕСЛЯ А. А. (2015). ПОСЛЕДНИЙ ИЗ «ОТЦОВ»: БИОГРАФИЯ ИВАНА АКСАКОВА. СПБ.: ВЛАДИМИР ДАЛЬ. 799 С. ISBN 978-5-93615-156-9

Мария Юрлова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета
Адрес: наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002
E-mail: procurator.minbar@yandex.ru

Андрей Тесля известен отечественному читателю по многочисленным публикациям и монографии «Первый русский национализм... и другие», выпущенной в 2014 году издательством «Европа». Речь в ней идет о первом российском национальном проекте — славянофильском, о том, в каких интеллектуальных условиях он формировался, существовало ли единство мнений, или, напротив, можно говорить о нескольких явно конкурирующих проектах. Автор задается вопросом: не были ли политические проекты отголоском метафизических мечтаний о «простом народе», воля которого и есть та сила, что естественным путем породит нацию, и как представления о нации и народе связаны с этничностью, (поли)конфессиональностью и монархией. Так что в некотором смысле «Последний из „отцов“» — это продолжение и развитие темы.

В новой книге Тесли подробно исследуются общественные и политические взгляды Ивана Аксакова — одного из «младших» славянофилов, на фоне почти всех более-менее влиятельных современников. По словам автора, Аксаков не давал славянофильству сделаться «фактом истории», поняв, что оно должно «отзывать» на все вопросы современности... быть не только (и даже не столько) дебатами интеллектуалов, но и полемической позицией <...> [Е]му удалось реализовать намеченное — не дать заглухнуть „живому слову славянофильства“ (и тот факт, что по сей день в публицистике используется „славянофильство“ как обозначение позиции в ряду современных, — во многом результат осуществленного Аксаковым „транзита“)» (с. 10).

Книга Андрея Тесли является ценным источником информации о становлении и развитии взглядов Аксакова, его публицистической деятельности. Некоторые идеи, возможно, уже знакомы читателю по более ранним статьям автора, опубликованным, например, в «Социологическом обозрении», на портале Gifter.ru или

© Юрлова М. Д., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

в «Русском журнале», однако собранные вместе, дополненные теоретическими соображениями, эти идеи обрели нужную цельность.

Шаг за шагом Тесля раскрывает историю становления Ивана Сергеевича Аксакова: студента Училища правоведения, чиновника VI (уголовного) департамента Правительствующего Сената, ревизора, поэта и писателя, редактора «Русской Беседы», редактора и издателя «Дня», «Москвы» и «Москвича», «Руси», председателя Московского Общества взаимного кредита и Славянского комитета. На почти восьмистах страницах излагаются главные идеи и принципиальные позиции И. С. Аксакова, а также основные события его жизни. И хотя в предисловии автор заявляет, что книга не является ни подробной биографией Ивана Аксакова, ни систематическим изложением его взглядов, у читателя складывается целостный образ персонажа и общая картина эпохи, в которой он жил. Фиксируя самые важные события в жизни своего героя, цитируя выдержки из его писем, Тесля прослеживает, как происходящее осмысливается самим Аксаковым, как меняется его взгляд на мир и на свое место в нем. В книге много цитат, некоторые письма приводятся целиком. Тесля поясняет:

«Вдова Аксакова, Анна Федоровна (урожденная Тютчева), писала в предисловии к изданию писем покойного: „Иван Сергеевич иногда говорил, что кто его не знает по письмам, тот его очень мало знает; что он только на бумаге умеет высказываться вполне“ (Аксаков, 1888: 2). А наиболее ценной частью его эпистолярного наследия являются его письма родным 40–50-х гг., времен его молодости и взросления, представляющие своего рода дневник, особенно в 40-х годах, когда, с одной стороны, он большую часть времени проводит вдалеке от дома, а с другой — нуждается в возможности высказаться, поделиться одолевающими его чувствами, мыслями, передать иногда сиюминутное настроение — поскольку близких, родственных его душевному и духовному складу людей вблизи его практически нет» (с. 21–22).

В книге три части: «Годы странствий», «Зрелость» и «Последний из отцов», выстроенных хронологически так, что они охватывают жизнь Аксакова с 1842 по 1886 г. (с момента окончания Училища правоведения и до дня смерти 17 января), прерываясь во второй части «Теоретическим Intermezzo», посвященным учению Ивана Сергеевича об обществе, народе и государстве (включая документальное приложение — запрещенную к публикации статью), а также «польскому» и «украинскому» вопросам и проблеме «Западного края», отношение к которым существенно для его понимания национального проекта. Кроме того, в этой части излагаются взгляды на церковные вопросы как самого Аксакова, так и некоторых славянофилов.

Документальные приложения, составляющие существенную часть книги, по замыслу автора, должны «придать изложению объемность». Для этой цели были выбраны письма Ивана Сергеевича к невесте, Анне Федоровне Тютчевой, и ее сестре, Екатерине Федоровне, а также к М. О. Кояловичу. В этих письмах Аксаков,

с одной стороны, продолжает обсуждать рабочие вопросы и более откровенно, чем в публицистике, проговаривает волнующие его вещи, а с другой (особенно в письмах к невесте) — неожиданно раскрывается в личном, рассказывая о своих переживаниях повседневного, семейного, бытового характера — не переставая, впрочем, тут же их анализировать.

В приложениях представлены неопубликованная статья Аксакова об обществе, народе и государстве; статьи, анализирующие взгляды связанных со славянофильством авторов (М. М. Погодина, А. М. Иванцова-Платонова, О. Ф. Миллера), сюжеты, отклик на которые можно найти в публицистике Аксакова; а также эссе, описывающие формирование концепции русской истории Н. Г. Устрялова и «случай князя А. П. Вяземского». Как пишет Тесля, это позволяет увидеть и проанализировать «ту интеллектуальную площадку, на которой будут формироваться и развиваться взгляды Аксакова» (с. 4), довольно рано осознавшего свои убеждения, но не замыкавшегося в них, а живо реагирующего на происходящее в стране, в мире, в близком интеллектуальном и общественном окружении.

Таким образом, книга может быть прочитана и как интеллектуальная биография Ивана Сергеевича Аксакова, и как очерк общественной, политической, публицистической, а отчасти и интеллектуальной картины эпохи, из которого читатель узнает, какие вопросы поднимались на страницах российской периодической печати второй половины XIX века, какие проблемы обсуждались в московских и петербургских салонах, какой отклик в высшем свете вызывали события внешней и внутренней политики, а также, кто, собственно, «имел свой голос» в их обсуждении.

Тесля пишет, что

«Аксаков был страстным человеком, долго искавшим то, чему смог бы посвятить себя всецело: этим и стало для него „славянофильство“, он сделался хранителем и пропагандистом (и неизбежно — интерпретатором, временами довольно вольным) учения своих родных и друзей (славянофильство... феномен столько же относящийся к истории мысли, сколько и к истории социальной и даже к истории бытовой, — быть славянофилом значило принадлежать, быть „своим“ во вполне определенном „московском“ круге, связанном отношениями родства и свойства)» (с. 6).

В этой фразе, по большому счету, заключены основные темы, которые раскрываются в книге.

Во-первых, Иван Аксаков был человеком сильным, умным, не желающим другим зла, но страстным и увлекающимся. Он с ранней юности желал найти «свое дело», что-то «настоящее», стоящее, чему он мог бы посвятить себя всецело и с радостью, упоенно служить. Сразу после окончания училища он счел таким делом службу, но разочарование пришло довольно быстро, и в дальнейшем отращивание к чиновничьей службе он скрыть не мог. Да и сложно найти человека, настолько неподходящего для этой работы, слишком правдолюбивого, с обостренным

чувством справедливости и чести и при этом вспыльчивого. Неизвестно, сколько времени он «искал бы себя», если бы не смерть отца (в 1859 г.), брата и старшего товарища, А. С. Хомякова (в 1860 г.), когда он осознал себя «хранителем» славянофильского наследия. Это стало делом его жизни.

Во-вторых, Аксаков видел свою задачу не только в том, чтобы сохранить славянофильское учение (это требовало систематизации и издания рукописного наследия), но и в том, чтобы не дать ему превратиться всего лишь в историю, а, напротив, доказать его жизнеспособность и «актуальность». Поскольку при всех своих дарованиях Иван Сергеевич всегда ощущал себя «младшим», почитая старших товарищей как несравненно более значимых, и считал, что он призван сохранить их усилия, такое «хранение» неизбежно предполагало интерпретацию. Описывая зрелого Аксакова, Тесля показывает, как его идейные установки неизбежно трансформировались, хотя сам он осознавал это лишь до некоторой степени. В 1870–1880-х годах Иван Сергеевич оказался в сложном положении: позиционируя славянофильскую программу не только как теоретическую, но и как предлагающую практические проекты, он был вынужден реагировать на события внутренней и внешней политики страны, которые, естественно, не могли быть учтены его старшими товарищами. В это время то, что он представляет как «славянофильский проект», уже во многом выражает его собственные убеждения, зачастую очень расходящиеся с «догматикой». Этот зазор Аксаковым до некоторой степени осознавался и переживался болезненно, но интеллектуальная честность не позволяла ему закрывать глаза на то, в чем его предшественники были не правы.

В-третьих, если в годы юности и молодости Ивана Аксакова быть славянофилом значило быть «своим» во вполне определенном «московском» круге», то с течением времени ситуация меняется, в том числе и усилиями самого Аксакова. Его общественная и публицистическая деятельность вывела славянофильство за пределы небольшого кружка единомышленников, познакомив с ним все слои населения, которые читали газеты и толстые журналы, и во многом сформировала ту самую «общественность», к которой он с самого начала обращался. В 60–80-е годы XIX века общественные комитеты и движения, а также различные периодические издания делали русское образованное общество не бессловесным наблюдателем государственной политики, и если не участником, то как минимум комментатором. И в этом хоре голос Ивана Сергеевича Аксакова слышали все.

Аксаков был одним из тех,

«для кого государство, в котором они жили и которому служили (не только на службе), было „своим“: они, их предки, их родные и друзья были теми, кто управлял империей, воевал, охраняя ее или присоединяя новые губернии, кто спорил о будущем России, вполне сохраняя практическую перспективу, — поскольку они были одними из тех, кто вырабатывал решения, кто мог быть призван на государственную должность, и чье мнение могло быть заслушано Государем. Они были причастны государству, ощущая ответственность за его судьбу не как остальные „подданные“: они были частью

той небольшой группы, следующей сразу же за аристократией, — и даже выбрав отказ от государственной службы, оставались в пределах все того же круга: лиц, лично известных императору, тех, для кого споры о политике империи — это споры между знакомыми» (с. 8).

Он был одним из тех, кто считал, что будущее их страны зависит в том числе и от них, и для кого участие в политической жизни — это привычная реальность.

Во время учебы в Училище правовердения Аксаков воспринял этос честной службы, служения. Он практически идеальный чиновник, все его рвение направлено на службу, на заботу об «общем благе», а государственное дело переживается им как свое, личное. Здесь важно отметить, что у честного человека его круга и положения в те годы почти не было другой сферы для общественной деятельности, кроме государственной службы. Поэтому, когда Аксаков в ней разочаровался, ему довольно долго пришлось искать другое занятие, которое дало бы возможность публично проявить себя. Светская жизнь ему не подходит, кажется пустой и бессмысленной, в письмах к родным он то с горечью, а то и с раздражением пишет о своих сверстниках, которые так бесцельно проводят время. Сам Иван с юности жаждет осмысленного существования, и ради благой цели он готов много и тяжело трудиться. Это качество в сочетании с феноменальной работоспособностью позволило ему многие годы почти единолично руководить газетами, быть и автором, и редактором, и вести финансовые дела.

Насмотревшись на злоупотребления, несправедливости и пренебрежение к закону, разочаровавшись в службе и почти со скандалом выйдя в отставку в 1851 году, Аксаков принимает предложение А. И. Кошелева редактировать «Московский сборник», что дает ему возможность ближе познакомиться со славянофильским учением, «принять» его как свое, то есть осознать себя славянофилом. Когда сборник был запрещен цензурой, а на Аксакова, в числе прочих, были наложены серьезные цензурные ограничения (касающиеся как редакторской работы, так и будущих текстов), он приступает к изучению «истории вопроса», в частности русской истории, чтобы лучше понять основные положения славянофильства и оценить степень его правоты или неправоты. Став славянофилом, он подошел к этому с той же ответственностью, как и ко всему, за что брался, и немедленно принялся находить недостатки и устранять их.

Аксаков был редактором «Русской Беседы», единственного периодического славянофильского издания, работа над которым шла более-менее коллегиально, и после его закрытия писал, что «мы ничего не сделали для успеха» (с. 151). Он имел в виду, что авторы не желали идти на уступки публике: у славянофилов была возможность «говорить своим голосом» и быть услышанными, донести до читателей свои идеи и установить обратную связь, но издание несло на себе отпечаток специфики славянофильского кружка, т. е. ориентированности на тех, кто и так был сторонником движения, что порождало неизбежный эзотеризм и нежелание упрощать тексты и объяснять азы учения. Аксаков осознавал, что «узость круга»

и нежелание работать с публикой приведут к дальнейшей консервации, но из-за цензурных ограничений ничего не мог сделать.

После «трех смертей» — отца, Хомякова и брата Константина — он решил, что делу славянофильства пришел конец: «Теперь для нас наступает время доживанья, воспоминаний, история: самая жизнь кончилась» (с. 162). Тогда-то Иван Сергеевич и обратился в славянофила окончательно, поставив целью жизни сохранить и донести до современников и потомков учение Хомякова и брата. Это решение оказалось самым значимым в деле внесения славянофильства в публичное пространство и обеспечения ему долговременного присутствия в нем. Аксаков не стал лидером движения, но ему удалось «сделать славянофильство фактором общественной жизни, трансформировать славянофильское учение из взглядов небольшого кружка в мировоззренческую позицию, открытую широкому кругу участников» (с. 168). Для этой задачи был необходим собственный печатный орган, причем именно газета, а не журнал, и на ее страницах нужно было излагать не догмы славянофильства, а ответы на текущие социальные и политические проблемы с точки зрения славянофильства. По сути, Аксакову пришлось в одиночку формулировать славянофильскую программу, проговаривая то, что в его кругу считалось само собой разумеющимся. В книге подробно описывается история редакторской деятельности Аксакова и то, как он фактически создавал цельную философскую теорию и общественно-политическую программу из достаточно противоречивого материала: издание «Русской Беседы» наглядно продемонстрировало, что в среде славянофилов не было единства даже по базовым вопросам, что они часто расходились во мнениях не только в деталях, но и в существенных вещах — оставаясь тем не менее идейно ближе друг к другу, чем к противникам. Аксаков проделал огромную работу, и ее описание представляет большой интерес.

Тесля пишет, что история с цензурной полемикой вокруг газеты «Москва» и цензурные мытарства Аксакова зачастую воспринимались знакомыми и публикой как результат сведения личных счетов с Валуевым и Тимашевым. Это доказывает, что «общество», к которому он обращался и на которое стремился опереться, голосом которого хотел быть, еще не сформировано или не осознало себя как некое гражданское единство. Тому, что Иван Сергеевич понимал под «обществом», «народом» и как видел роль государства, посвящена статья из приложения к главе «Теоретическое Intermezzo». Она была заявлена как изложение и продолжение взглядов Константина Аксакова, но в итоге становится изложением вполне либеральной концепции Ивана Аксакова, своеобразного «неполитического либерализма», где важная роль отводится формированию того самого общества, недостаток в котором так остро ощущал автор. Тесля отмечает по этому поводу:

«Фактически Аксаков мог настаивать на „неполитическом“ характере „общества“ в своей интерпретации лишь путем крайнего сужения понятия „политического“, сводя его до „деятельной, политически организованной власти“ (Аксаков, 1891: 46) и тем самым формулируя тезис о формировании полити-

ческого и гражданского общества, избегать требований политического характера. Концепция И. С. Аксакова предполагала „нормализацию“ русской истории — как некий „третий“ путь между западничеством и традиционным славянофильским, одинаково акцентировавшим петровский разрыв, лишь расходясь в оценке его и его последствий. Вместо абсолютного противопоставления Допетровской Руси и Петровской России, Аксаков мыслит „петербургский“ период русской истории как диалектическое противоречие, логически необходимую стадию развития — тем самым сближаясь, в частности, с „почвенниками“, группировавшимися вокруг петербургского журнала „Время“, издававшегося братьями Достоевскими (характерно, что после публикации цикла статей об обществе критика „Дня“ на страницах „Времени“ смолкает). В практическом плане трансформация славянофильской доктрины, осуществленная Аксаковым, позволяла явственно выразить и сформулировать, избегая открытого политического конфликта, требования значительной части либеральной общественности. Умеренный либерализм, выступая за предоставление широких прав местному самоуправлению и одновременно поддерживая самодержавие, воспринимая его как силу, противостоящую угрозе аристократического конституционализма, силу, способную проводить масштабные реформы либерального содержания, получил себе в концепции Аксакова достаточно полное выражение, что подтверждается распространенностью славянофильских настроений в земской среде вплоть до революции 1905 г. (см.: Соловьев, 2009; Шелохаев, 2010). В таком качестве статьи Аксакова и были восприняты высшими кругами правительства» (с. 303–304).

Следствием правительственного внимания стал цензурный запрет на публикацию шестой статьи.

Остальные тексты четвертой главы рецензируемой книги представляют собой реконструкцию славянофильских в целом и аксаковских в частности взглядов на национальные, межэтнические, религиозные и конфессиональные проблемы.

В пятой главе Тесля, рассматривая историю с Адресом Московской городской Думы, в котором высказывалась поддержка правительственной политике в отношении Турции, говорит о ситуации, когда правительство не признает существования ни одной силы, которая могла бы выступать от лица всего общества: сделавший это либо воспринимался как узурпатор, не имеющий права на подобные обобщения, либо должен был стать «голосом из хора», поддерживающим правительство. Не должно было быть не только другого мнения, кроме правительственного, но и других способов его озвучивания, кроме указанных и разрешенных. В итоге власть

«оказывается заинтересована в том, чтобы получить общественную поддержку, поскольку нет никого, кто мог бы говорить от имени „общества“ по праву. „Общество“ тем самым оказывается странной реальностью — с одной стороны, делается все, чтобы не допустить возникновения того, кто мог бы говорить от его имени (и тем самым конституировать „общество“ в некую реальность), с другой стороны, власть разговаривает в кризисные моменты

с „обществом“, обращается к нему — не имея возможности предъявить полученные ответы как „голос общества“, вместо него получая лишь коллекцию высказывания частных лиц и корпораций, либо говорящих от своего имени, либо в любой момент могущих быть с полным основанием обвиненными в самозванстве» (с. 456).

Анализируя ситуацию подачи адреса, автор отмечает, что изложенные в нем идеи соответствовали славянофильским представлениям о «Земле» и «Государстве» и были попыткой диалога с властью — неудачной, однако оказавшейся в первой половине 1870-х гг. единственным примером коллективной публичной акции, инициированной славянофилами (с. 460).

В шестой и седьмой главах автор снова демонстрирует, что главный герой действительно был цельной личностью: рано сформировавшись и единожды осознав свое призвание, он и в зрелом возрасте, и в старости действует исходя из того, что однажды счел правильным. Позиция Аксакова по вопросам внешней политики Российской империи 1870–1880-х гг. все еще узнаваема, он все так же несгибаем, верен принципам и все так же борется с пошлостью, фальшью и бездействием общества. За свою жизнь он пережил столько конфликтов с цензурой, карьерных сломов, разочарований, неудач своих проектов, что удивляешься, как у него хватило сил и стойкости, чтобы не озлобиться, не сломаться, а методично продолжать делать то, что он считал правильным. Видимо, это еще одна причина прочесть эту книгу: судьба Ивана Аксакова, рассказанная Андреем Теслием, дает важный пример стоического отношения к жизни, когда, несмотря ни на что, человек исполняет свой долг, не пытаясь переложить его еще на кого-то — а в конце жизни понимая, что и не на кого, — оставаясь при этом человеком, способным воспринимать простые житейские радости и не очерствев душой.

Observe and Participate: The Biography of Leading Russian Slavophile

Maria Yurlova

Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University

Address: Severnaya Dvina Emb., 17, Arkhangelsk, Russian Federation 163002

E-mail: procurator.minbar@yandex.ru

Review: *Poslednij iz "otcov": biografija Ivana Aksakova* [The Last of "Fathers": A Biography of Ivan Aksakov] (Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2015) by Andrey Teslya (in Russian)